

В. В. Яковлев

РАБОЧИЕ ОРУДИЯ ПЕТРА

Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв.
В. О. Ключевский о Петре Первом (Разрозненные афоризмы 1900-х)

Современники Петра отмечали, что главным в человеке для него было не столько происхождение, имя и богатство, а сколько талант, способности вершить дела, добиваться результата. Действительно, набор качеств вневременной: какой правитель не захочет иметь таких соратников? Конечно, без таковых не удастся осуществить никакой замысел. И подбор подобных людей всегда был делом очень сложным и во многом определяющим успех. У предшественника Петра, Ивана Грозного, была Избранная рада (названная так А. Курбским), в дальнейшем у Екатерины II – фавориты, у Александра I – так называемый Негласный комитет, у Александра II – круг единомышленников-реформаторов... И сам Петр прекрасно понимал, что, сколько бы в нем ни было сил, энергии, воли, целеустремленности и работоспособности, реализовать задуманное без соратников невозможно. И найти их было не так легко, учитывая, в частности, то, что «старая элита» не только не подходила на эту роль, но и порой откровенно противодействовала реализации замыслов царя.

При этом Петр был прагматиком, и его отношение к людям определялось, как правило, критерием их пользы для государственных дел. Недаром историк В. О. Ключевский замечал: «Петр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петр знал людей, но не умел или не всегда хотел понимать их»¹.

При этом сам Петр имел достаточно четкое представление о том месте, которое он должен занимать. Наиболее емко и содержательно оно нашло свое отражение в словах царя, сказанных Ивану Неплюеву. Тот после нескольких лет обучения в Европе в 1720 г. вернулся в Россию, с отличием сдал экзамен лично Петру, пользовался его расположением и руководил строительством судов в Петербурге (в дальнейшем стал адмиралом и много лет был на дипломатической службе). Они сохранились в его записках под 1721 г.: «Я ваш от Бога приставник, и должность моя – смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять, буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я – истец; ибо Бог того от меня за всех вас востребует,

чтоб злomu и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить»².

Впрочем, карьерные пути в петровское время могли быть самыми разными. Например, митрополит Лаодикийский Парфений, выходец из Малороссии, но большую часть жизни проживший на Ближнем Востоке, написал в 1698 г. большое послание Петру и отправил его с панегирическим стихом, посвященным царю и его борьбе против «злочестиваго султана турскаго». Сегодня такое откровенно хвалебное послание главе государства, подобное тому, что написал Парфений, можно воспринять как угодничество и лесть. Но тогда авторы подобных сочинений (а их было множество), восхваляя Петра, имели в виду не столько конкретного человека, сколько воплощенный в нем символ отечества, государства. Подобные панегирики были невозможны по отношению к тому же Александру Меншикову. А здесь другое дело: Петр – государь, поставлен от Бога. И многие такие сочинения, а также их авторы обращали на себя внимание царя. И в случае с Парфением царь оценил его старания. После завершения войны с Турцией и подписания в 1700 г. Константинопольского мирного договора, по которому, в частности, Азов остался за Россией, Парфений в 1701 г. был рукоположен в митрополиты Азовские. Спустя два года он был назначен архиепископом в Холмогоры. Правда, не доехал до пункта назначения: скончался в Ярославле³.

Как известно, Петр охотно приглашал на службу и чужеземцев, однако ценил их с точки зрения той пользы, которую они могли принести государству. Он даже составил своего рода градацию, как надо относиться к представителям разным государств, предлагающим свои услуги в России. В известном сборнике историй, посвященных Петру, составленном известным мемуаристом и историком искусств Якобом фон Штелиным, сохранилось следующее свидетельство со ссылкой на графа И. Г. Чернышева, которое тот «слышал от старых членов Адмиралтейской коллегии»: «Французу, говорил Государь, всегда можно давать больше жалованья; он весельчак (*bon vivant*) и все, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имения прибавлять к жалованью. Но голландцам должно давать менее, ибо они едва досыта наедаются для того, чтобы собрать больше денег; а итальянцам еще менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно проживать их в раю своем, в Италии, где в деньгах недостаток»⁴.

Следует отметить, что сборник Штелина, изданный первоначально на немецком языке в Лейпциге, был практически сразу переведен на русский язык и пользовался большой популярностью в России, выдержав не одно издание. Да и в наше время он регулярно переиздается, в основном в адаптированном для современного читателя виде. Многие анекдоты из него сегодня живут собственной жизнью и порой приводятся как неоспоримый факт. Несмотря на то что само понятие анекдота в то время было иное, чем сегодня, и под ним подразумевалось реальное событие, ярко характеризующее того или иного человека или явление, далеко не ко всем рассказам Штелина можно относиться как к источнику. Тем не менее они содержат много любопытных сведений, характеризующих личные качества царя как государственного деятеля. И даются они со

ссылками на конкретных людей, от которых Штелин их услышал. Тем самым эти рассказы можно оценивать не только с позиций достоверности конкретных событий, но и как представления современников о личности Петра и той роли, которую он сыграл в истории России. С этой точки зрения в дальнейшем будет использовано несколько подобных анекдотов из книги Штелина⁵.

Многие правители сначала требуют с подчиненного, а потом уже по факту начинают его оценивать и одаривать (да и то не всегда). Петр же зачастую действовал наоборот: если доверял человеку, видел его способности, таланты, желание что-то сделать, то сначала давал то, что было нужно, и только после этого с него спрашивал. Порой весьма строго. И если договоренности не соблюдались, наказание могло быть жестоким. Сохранилась показательная история о безмянном стряпчем, который попался на взятках и в свое оправдание жаловался на более чем скромное жалование, на которое никак не мог содержать свое многочисленное семейство. Петр решил дать ему «испытательный срок»: узнав, сколько тому надо денег, чтобы не воровать и не заниматься мздоимством, он соответственно увеличил ему жалование. Но пригрозил смертной казнью, если тот возьмется за старое. Несколько лет судья держался, но потом сорвался и опять вернулся за старое. Петр отреагировал сразу, сказав, что, если тот свое слово не сдержал, то он, царь, сдержит. Судья был казнен (Штелин, № 40).

Еще одно качество Петра в «кадровом вопросе» заключалось в том, что он особенно ценил у своих подчиненных прямоту суждений и честность в поступках. И даже, например, на весьма рискованные сетования своего любимца З. Д. Мишукова (он был одно время денщиком царя, удачно женился на племяннице Меншикова, в дальнейшем дослужился до адмирала), выпившего лишнего во время званого обеда в Кронштадте и заявившего, что царский сын Алексей, мол, не способен управлять страной, поскольку «глуп и все расстроит», лишь усмехнулся. Шутя стукнул Мишукова по голове и сказал: «Дурак, этого при всех не говорят»⁶.

Вспоминал об этом качестве царя и Иван Неплюев. Граф Г. П. Чернышов и адмирал М. Х. Змаевич предупреждали Неплюева в самом начале его карьеры: «То де его величество тебя не оставит: только будь проворен и говори правду, и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он де больше рассердится, буде что солжешь». И когда Неплюев один раз опоздал на службу, то, по своим же словам, с трудом преодолел искушение сослаться на болезнь и честно сказал Петру, что накануне загулял и проспал. На что царь его пожал за плечо и ответил: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Бог простит! Кто бабе не внук?»⁷. Сохранилось свидетельство Петра на эту тему и о князе Я. Ф. Долгорукове: «Князь Яков в сенате прямой помощник: он судит дельно и мне не потакает, без красноречия режет прямо правду, не смотря на лицо»⁸.

Примеров тому, что Петр уважал прямоту суждений и поступков, можно приводить множество. На эту тему есть даже народные сказки. В одной из них, сохранившейся в изложении Ф. П. Господарева, Петр велел подковать своего коня. Взяв у кузнеца готовую подкову, разогнул ее и спросил: мол, что за «слабую» подкову ты мне подаешь? Кузнец изготовил вторую. И ее царь разогнул. И только третью сломать не смог и дал мастеру за работу серебряный рубль. Кузнец согнул монету пополам: «Фальшивые деньги!» После чего восхищенный царь одарил кузнеца 25 рублями серебром со словами: «На, не ломай денег, то мы наехали коса на камень! Я подкову сломал, а ты рубли поломал. Видать, что сильней ты меня». И добавил: «...ты – хороший молодец!»⁹. Неслучайно

эту байку связывают именно с Петром, а с не Иваном Грозным или с каким-нибудь царем Берендеем. Именно Петр в глазах народа (а кузнец – это представитель народа) был достаточно силен, чтобы сломать подкову, и в то же время справедлив, чтобы не наказывать кузнеца за такое поведение, а одарить его, оценить и понять, что с таким мастером можно работать. Да и интересы дела должны быть выше личных обид и амбиций.

Реагировал Петр и на проявление неблагодарности. Причем даже не столько по отношению к себе. Яркий пример: до него дошли сведения о том, что его давний противник Карл XII, нашедший после поражения под Полтавой убежище в Османской империи, на просьбу турок вернуться на родину впал в настоящее буйство, приказал стрелять по янычарам, избил посланника султана... И это при том, что турки ему еще и денег дали на дорогу в Швецию. Петр так оценил действия Карла XII: «Теперь вижу я, что Бог его совсем оставил, когда он с последними своими друзьями так неистово поступает и нападает на них» (Штелин, № 74). Как к сильному неприятелю Петр мог относиться к Карлу с уважением. Однако если тот неблагодарен даже к тем, кто его бережет, пусть даже они Петру тоже враги, – это уже последняя черта. Таким неблагодарным быть нельзя...

Другой пример на ту же тему. Ученик одного голландского якорного кузнеца обратился к царю с просьбой повысить ему жалование. Причем он предложил это сделать за счет своего наставника, которого посоветовал отправить обратно в Голландию. Петр не только публично прочитал отповедь неблагодарному ученику, но и приказал его высечь, после чего выслал из Петербурга на другой якорный завод со словами: «...не скоро еще придется получать прибавку к жалованью» (Штелин, № 37).

И конечно, не прощал Петр предательства. Поэтому по отношению к гетману Мазепе и его казачьему войску, переметнувшемуся на сторону шведов, был жесток до предела. Столица Мазепы город Батурин был взят войсками Меншикова и сожжен. Затем была проведена церемония заочной казни гетмана: его куклу водрузили на эшафот, «наградили» специальным шутовским «орденом Иуды», а затем казнили. Самому же Мазепе объявили анафему – церковное проклятье, которое действует по сей день. Любопытно, что даже спустя 300 лет, в 2009 г., Русская православная церковь отвергла возможность снятия анафемы с Мазепы – подобное предложение прозвучало со стороны некоторых церковных иерархов Украины. Казаки, пошедшие за Мазепой к шведам, также не подлежали прощению. И даже в Ништадтском мирном договоре, подписанном в 1721 г., при упоминании о всеобщей амнистии и прощении, было оговорено, что изменники-мазепинцы амнистии не подлежат: «2. Имеет еще с обеих стран генеральная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны с одной или с другой страны неприятельского или противного хотя оружием или инако предвосприятно, произведено и учинено, так чтоб никогда о том упомянуто не было, наименьше же чтоб кто в которое ни будь время то злом мстил, и имеют все и каждые высокого и низкого чина подданные или чужестранные, какого народа они б ни были, которые во время сей войны у одной которой партии службу приняли и чрез то против другой неприятельски поступали (окроме тех российских казаков, которые свейским оружием следовали; ибо оным е.п.в., дабы в сию генеральную амнистию включены были, несмотря на все с свейской страны учиненные представления, не позволяет ниже позволить хочет), прочие же все в сию генеральную амнистию всемерно внесены и включены

быть тако и таковым образом, что всем обще и каждому особливо тот их поступок никаким образом впредь не имеет причтен быть. Наименьше же им ради того ни малейшее оскорбление причинено, но права их и справедливости, им принадлежащие, оставлены и возвращены будут»¹⁰.

Непримирим был Петр к казнокрадству. Известно множество примеров того, как беспощадно расправлялся Петр с теми, кто запускал руку в государственную казну. Что, впрочем, процветанию казнокрадства отнюдь не мешало. Известны слова, сказанные генерал-прокурором П. И. Ягужинским в ответ на предложение царя вешать, если растрата будет соответствовать стоимости веревки: «Государь! Неужели ты хочешь остаться императором один без служителей и подданных? Все мы воруюем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой» (Штелин, № 48). За казнокрадство пострадали очень многие – как весьма родовитые, так и те, кто выдвинулся благодаря своим талантам, зачастую пользовался особым расположением царя и много сделал на благо государства.

При этом отношение Петра к лихоимцам и казнокрадам из своего собственного окружения во многих случаях было избирательно: опять-таки в зависимости от того, насколько тот или иной человек был ему нужен. Например, тот же Меншиков отделялся царскими тумаками. Однажды, когда в Сенат поступило очередное сообщение о его прегрешениях, терпение сенаторов лопнуло, и Петру подготовили подробный документ, рассказывающий о махинациях Александра Даниловича при поставке провианта и мундиров для армии. Никто не отважился лично подать эту бумагу царю, поэтому было решено положить ее на стол в Сенате, за который должен был сесть государь. Петр ее прочитал, положил обратно и не сказал ни слова. Сидевший рядом Толстой не выдержал и спросил у царя: мол, что тот думает. На что Петр кратко ответил: «Ничего. Только то, что Меншиков всегда останется Меншиковым» (Штелин, № 23). Что называется: понимай как хочешь. Но более об этом никто заговаривать с Петром не осмелился...

Редко, но приходилось Петру и раскаиваться в принятых им самим несправедливых решениях. Наиболее показательный пример – судьба генерального писаря Войска Запорожского Василия Кочубея и полтавского полковника Ивана Искры, представивших царю доказательства грядущей измены Мазепы. «Подметные письма» о нем поступали Петру почти 20 лет – практически сразу же после того, как тот стал гетманом. Но русский царь доверял Мазепе и подобные предупреждения считал поклепом. Точно так же он отнесся и к доносу на Мазепу, поступившему от Кочубея и Искры. Не поверил им и велел казнить их. Что и было исполнено. А через несколько месяцев выяснилось, что они, оказывается, сообщали правду. Петр винил себя, что поторопился и поступил несправедливо. Он не только вернул семьям казненных все конфискованное имущество, добавив новые земли и деревни, но и повелел Меншикову лично встретиться с вдовой и сыном Кочубея, а также вдовой и детьми Искры. «Кой час сие письмо получишь, той час поезжай до Царского Величества в Глухов и возьми матку свою и жену Искрину и детей, понеже великая милость государева на вас обращается», – сообщал сыну Кочубея Меншиков¹¹. Петр сокрушался о своем несправедливом решении, называя Кочубея «мужем честным, славным памяти». В родовой герб Кочубеев по решению царя были добавлены сердце с двумя золотыми крестами и девизом «Возвышаюсь когда погиб».

Принято считать, что Петр переделывал страну на западный манер. Но имеет право на существование и другая точка зрения, высказанная в свое время, правда, не историком, а известным поэтом, драматургом и писателем графом Алексеем Константиновичем Толстым: к удивлению многих своих современников, он не только не считал Петра I западником, а, напротив, называл его «большим славянофилом», чем А. С. Хомяков и К. С. Аксаков. По его мнению, славяне своими корнями, историей и культурой связаны с Европой («...подлинное славянство – западное, а не восточное», – был уверен Толстой), а трагедия русской истории заключается в том, что из-за татаро-монгольского нашествия Россия свернула со своего исторического пути и все попытки вернуться на него закончились неудачей. Может быть, он и был во многом прав: Петром больше двигала как раз уверенность в том, что он вовсе не переделывает и тем более не искажает историческую судьбу и предназначение страны, а стремится «вогнать Россию в ее прежнюю, родную колею»¹².

В то же время у Петра было и здравое понимание «разности» между Россией и Европой: никаких особых иллюзий по поводу того, что Европа примет Россию в свои объятия, он не питал. Не говоря уже о сомнительной готовности самой Европы принять Россию в свой круг. Для Петра главным были интересы и судьбы страны в самом глубоком их понимании, можно сказать, стратегически-интуитивном. К сожалению, такие люди реального дела, мыслящие категориями гораздо более широкими, чем споминутные интересы, сегодня в большом дефиците.

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 4 // Сочинения : в 9 т. Т. 9. М., 1989. С. 44.

² Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1873). СПб., 1893. С. 110.

³ Подробнее об этом см.: *Яковлев В. В.* Митрополит Парфений Небоза и Петр Первый // ТГЭ. [Т.] 101 : Петровское время в лицах – 2019 : материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 374–382.

⁴ Любопытные и достопамятные сказания об императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб., 1786. № 22. С. 75 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера анекдота).

⁵ О Штелине и его анекдотах см.: *Мезин С. А.* Анекдоты о Петре Великом как явление

русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов, 2002. С. 18–54.

⁶ *Щербатов М. М.* Сочинения. Т. 2 : Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898. Стб. 160–161.

⁷ Записки Ивана Ивановича Неплюева. С. 105–106.

⁸ Цит. по: *Майков А. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 58.

⁹ Сказки Филиппа Павловича Господарева / запись текста, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941. С. 503–504.

¹⁰ Под стягом России : Сборник архивных документов. М., 1992. С. 120.

¹¹ Петр I. Честь, слава, империя : Труды, аргументы, переписка, мемуары. М. 2014. С. 200.

¹² *Толстой А. К.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 5 : Дневник. Письма. М., 2018. С. 393, 379.